

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья

УДК 316.77; 070

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60

EDN: ESRBCH

Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности

Геннадий Геннадьевич Слышкин¹, Лидия Евгеньевна Малыгина^{2✉}, Екатерина Сергеевна Павлова³

¹Доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82

²Доктор филологических наук, профессор Высшей школы (факультета) телевидения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул. Колмогорова, д. 1, стр. 51

³Руководитель блока внутренних коммуникации АО «Русагротранс». 107014, г. Москва, ул. 2-я Боевская, д. 3

¹admlikbez@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0056-8160>

²ggsl@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8121-0250>

³epav1129@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7644-1564>

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению влияния радикального гендерного медиадискурса и его субстанциональных ценностных установок на пользователей социальных сетей. Определен главный критерий отнесения данных дискурсов к радикальным такой, как проявления ненависти в качестве основообразующего начала. Обозначены причины радикализации феминного и маскулинного медиадискурса. В каждом медиадискурсе представлена аксиологическая матрица доверия, с помощью которой удерживается аудитория и вовлекаются новые пользователи, проанализированы используемые архитипические модели. Всего было проанализировано методом коммуникативного контент-анализа через моделирование количественных и качественных данных 1700 публикаций в социальной сети Вконтакте в период с 01 января 2020 по 01 января 2022 г. Выделены субдискурсы, охватывающие основные смысловые зоны медиадискурса радикальных феминисток и маскулистов в российском сегменте интернета и предполагающие различное обоснование стратегий сопротивления угнетению женщин и мужчин. В каждом субдискурсе представлены основные тематические доминанты. Отдельно рассмотрены угрозы в радикальном феминном и маскулинном медиадискурсе, направленные на разрушение семьи и родительства как социальных институтов. Обозначены способы, призванные вызвать отторжение и неприязнь к понятию «ребенок» в чайлдхейтерском субдискурсе. По результатам исследования обозначена норма современной мужественности и женственности, формирующаяся в новых медиа, кристаллизовавшаяся в образах «цифрового мужика-тролля» и «новой амазонки», обозначены инструменты лингвобезопасности в социальных сетях.

Ключевые слова: лингвобезопасность; радикальный феминизм; радикальный сексизм; маскулизм; троллинг; медиадискурс

Для цитирования: Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 53–60. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60>. <https://elibrary.ru/ESRBCH>

Media communications and journalism

Original article

Radical feminine and masculine media discourse in terms of linguistic security

Gennady G. Slyshkin¹, Lydia E. Malygina², Ekaterina S. Pavlova³

¹Doctor of philology, professor, head of the research laboratory «Linguistic security and psychology of information impact» of the Institute of law and national security, Russian presidential academy of national economy and public administration. 119571, Moscow, Vernandsky ave., 82

²Doctor of philological sciences, professor of the Higher school (faculty) of television, Lomonosov Moscow state university. 119991, Moscow, Kolmogorov st., 1, bld. 51

³Head of internal communications unit of Rusagrottrans JSC. 107014, Moscow, 2nd Boevskaya st., 3

¹admlikbez@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0056-8160>

²ggsl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8121-0250>

³epav1129@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7644-1564>

Abstract. This article examines the impact of radical gender media discourse and its substantive value attitudes on social media users. The main criterion is determined for classifying these discourses as being radical, as the manifestation of hatred as an underlying principle. The authors outline the reasons for the radicalization of the feminine and masculine media discourse. Each media discourse contains an axiological trust matrix, with the help of which the audience is captured and new users are involved, the archetypal models being used are analyzed. In total, 1,700 publications on the social network Vkontakte have been analyzed using the method of communicative content analysis through modeling quantitative and qualitative data from January 01, 2020 to January 01, 2022. The article identifies the sub-discourses covering the main semantic zones of radical feminists and masculists' media discourse in the Russian segment of the Internet and assuming a different explanation of the strategies to resist the oppression of women and men. Each sub-discourse presents the main thematic dominants. The threats in the radical feminine and masculine media discourse aimed at the destruction of the family and parenthood as social institutions are considered separately. The ways are outlined designed to cause rejection and hostility to the concept of «child» in the childhate sub-discourse. According to the authors of the study, the norm of modern masculinity and femininity, formed in new media, crystallized in the images of the «digital troll man» and the «new Amazon»; they also describe the tools of linguistic security in social networks.

Key words: linguistic security; radical feminism; radical sexism; masculism; trolling; childhate; media discourse

For citation: Slyshkin G. G., Malygina L. E., Pavlova E. S. Radical feminine and masculine media discourse in terms of linguistic security. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(2):53–60. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60>. <https://elibrary.ru/ESRBCH>

Введение

В российском сегменте интернета активно исследуются радикальные проявления, угрожающие национальной безопасности. Наибольшее внимание уделяется анализу политических и религиозных форм радикализма, таких как квази-исламский экстремизм, шовинизм, сепаратизм и пр., также подробно рассматриваются радикальные проявления протестных движений. Между тем в последнее время все большую популярность набирают интернет-сообщества, наполненные гендерным радикализмом. Их участники открыто проявляют ненависть к определенным группам людей – она составляет основообразующее начало, стержень и смысл их существования. На первом плане у них интенсивное желание ущемить «противника» в правах и посредством этого самоутвердиться.

Сегодня эссенциалистский взгляд на гендер

как характеристику, заложенную природой и не подлежащую изменениям, уступил место теории социального конструирования, где процессы трансформации гендерной сферы оказываются вполне управляемыми. Специфичность понятия «гендер» в общественном сознании связана с подвижностью понятий «мужское» и «женское», которые имеют существенные различия в культурах и эволюционируют вместе с социумом: *тургеневских барышень, дворян-нигилистов, мужика и бабу* сменили *товарищ-женщина и товарищ-мужчина*. Сейчас российский медиадискурс пополнился новыми социальными статусами, которыми люди маркируют себя: *маскулист* (он же *сексист*) и *феминистка*. Мы рассмотрим именно радикальные проявления в медиадискурсе, в «группах ненависти», объединившихся на основе сильнейшей профильной эмоции против гендерных оппонентов.

В России за последние два-три года сложился

масштабный радикальный феминистский и маскулинный, или как его еще называют, *сексистский*, дискурс в цифровой среде, вовлекающий в коммуникацию все большее число адресатов и социальных акторов. Десятки подобных групп насчитываются в социальной сети «ВКонтакте», а общее число участников достигает полмиллиона. Все коммуникативные стратегии этих дискурсов практико-ориентированные. С учетом стремления адресантов как в радикальном феминном, так и в радикально сексистском медиадискурсе к нагнетанию напряжения базовой стратегией интеракции является раздражение, а коммуникативные акты находятся в точках приказов-должествования, что свидетельствует об агрессивной мобилизации участников сообщений.

В то же время благодаря конструированию искусственных мифологем относительно мужских и женских моделей поведения у современной молодежи формируются новые представления о женственности и мужественности.

Методы исследования

Исследование выполнено в рамках серии работ, посвященных различным аспектам лингвобезопасности [Слышкин, 2022]. Его теоретическую базу составили работы по медиастилистике [Клушина, 2020] и аксиологической проблематике медиатекста [Карасик, 1993]; дискурс-анализу [Т.А. ван Дейка,]; исследования цифровых медиа, связанные с современными российскими практиками социализации и влияния на различные целевые аудитории [Бродовская, 2019; Змазнева, 2018]; труды, рассматривающие отдельные феномены или акции феминизма и маскулизма [Балакришнан, 2008; Вульф, 2020; Зимбардо, 2017; Ермолова, Клец, 2020, Жирнова, 2018; Порошенко, 2014; Тамбиянц, 2021; Шабурова, 2002].

Для исследования радикального феминного и маскулинного медиадискурса нами была выбрана социальная сеть «ВКонтакте» как включающая наибольшее число групп и профилей заданной тематики (27 сообществ). Такие группы были определены нами на основании запросов по ключевым словам «феминизм», «женское движение», «чайлдхейт», «маскулист», «сексист» «альфа», «патриархат» и через выявление «кустов» дружественных найденным сообществам профилей. Для анализа были выбраны те, количество подписчиков которых превышало 10 тысяч. Всего нами было проанализировано методом

коммуникативного контент-анализа через моделирование количественных и качественных данных 1 700 публикаций в период с 1 января 2020 г. по 1 января 2022 г. При систематизации результатов использовался общенаучный описательный метод. В корпус анализируемых материалов включены не только сами посты в социальных сетях, но и комментарии к ним.

Результаты исследования

Радикальные феминистки

Нужно различать либеральный и радикальный феминизм. *Либеральный* феминизм заключается в проявлении уважения к человеку независимо от его пола и от того, посвящает он себя работе или семье.

Сторонницы идеологии *радикального* феминизма стремятся не столько разрушить традиционный гендерный порядок, сколько поменять позиции, заняв место мужчин, с сохранением прежней иерархии. «Радфемки» активно внедряют новый женский облик агрессивной альфа-самки, уничтожая образ нежной и дающей жизнь женщины.

Таким образом, организаторы групп в социальных сетях создают определенную матрицу доверия, исключая резкие аксиологические противоречия между вновь создаваемым мифом и этнокультурными архетипами россиянок. Эта «новая амазонка» сформирована по маскулинному типу: она воинственна, самодостаточна и опирается, с одной стороны, на архетип сказочной властительницы «бабы Яги», которая вершит судьбы по своему усмотрению, с другой – на архетип «русской бабы», которая не нуждается в мужчине-помощнике [Шабурова, 2002].

В ходе исследования нам удалось выделить четыре субдискурса, охватывающие основные смысловые зоны медиадискурса радикальных феминисток в российском сегменте Интернета и предполагающие различное обоснование стратегий сопротивления угнетению женщин (расположены по убыванию масштаба и значимости):

- семейный;
- социальный;
- законодательный;
- сексуальный.

Наиболее радикально окрашенным и, соответственно, представляющим наибольшую угрозу является семейный субдискурс: лингвистические практики данной тематической группы обретают откровенно человеконенавистнические, скорее даже мужененавистнические, формы и

вполне сопоставимы в этом отношении с практикой нацизма. Активное использование этого субдискурса, с одной стороны, связано с такой важной для радфемок идеологией, как борьба с семейным патриархатом; с другой – определяется относительной легкостью и привлекательностью этих стратегий и тактик (не предполагающих включения дополнительных акторов в их реализацию) за пределами виртуального пространства.

Выделим главные темы семейного субдискурса:

- домашнее насилие (бытовое, сексуальное), виктимблейминг, социальный стокгольмский синдром женщин;

- репродуктивная тирания;

- репродуктивный труд по уходу за детьми;

- обслуживающий труд для обеспечения мужчинам физиологического и бытового комфорта;

- принудительные браки, «похищение невест».

В лексиконе радикального феминизма «освобождение женщины» означает частичный или полный отказ от традиционных и стесняющих, по мнению феминисток, ролей «жены», «матери», «хозяйки дома». Вот некоторые из феминистических высказываний: *«Брак – это институт, возникший из практики насилия. Поначалу насилие имело форму похищения, а затем превратилось в брак через пленение. ... Семья в привычном понимании этого слова должна быть уничтожена. Семья поддерживает угнетение, разделяя людей на малые изолированные группы, которые не в силах объединиться и отстаивать общие интересы. ... Сегодня технически возможно зачатие без помощи самцов... так же, как возможно рожать только самок.... Самец – это ошибка природы. ... Свободу для женщин не завоевать, пока существует брак»* [Порошенко, 2014].

Создаваемый в социальных сетях привлекательный новый образ женщины опасен своей самодостаточностью, поскольку, очевидно, может способствовать разрушению семьи как социального института, что представляет опасность как для отдельных граждан, так и для общества в целом.

Обозначим основные тематические блоки трех дополнительных субдискурсов для формирования представления о дискуссионном ландшафте данных сообществ. Здесь важно отметить, что выделенные субдискурсы являются фоновыми для российских социальных сетей и скорее поддерживают общую мировую повестку, неже-

ли выступают проактивными доминантами.

Социальный субдискурс:

- трудовая дискриминация: «стеклянный потолок», разрыв в размере заработной платы мужчин и женщин;

- принудительная красота: навязывание практик украшения, калечащий дресс-код;

- гетеронормативность (женщина по умолчанию должна быть замужем/в паре);

- «налог на розовое»: неоправданно высокая стоимость товаров для женщин, по сравнению с аналогичными товарами для мужчин.

Законодательный субдискурс:

- репродуктивное насилие: ограничение права на аборт, репродуктивный налог.

Сексуальный субдискурс:

- мэйл гейз (от англ. male gaze – ‘мужской взгляд’): представление о том, как должна выглядеть женщина в обыденной жизни, кино, живописи и т. д.;

- проституирование: прямое привлечение к занятию проституцией; использование услуг проституток; создание экономических условий, в которых женщина вынуждена заниматься проституцией, чтобы выжить, и/или в которых она становится легкой добычей работодателей;

- педофилия: сексуальная связь и любые эротические действия мужчин по отношению к несовершеннолетним.

Для иллюстрации уровня разжигаемой ненависти и агрессии в сообществах радфемок из фоновых субдискурсов обратимся к законодательному дискурсу. Для легитимизации права женщины на избавление от всего и всех ей неудобных неоднократно обсуждался законопроект, представленный в штате Калифорния (США), который позволит матерям убивать детей в течение первой недели после родов. Законопроект должен защитить мать от преследования за совершение любых действий, имеющих отношение к ее беременности, включая действия, повлекшие «перинатальную смерть» плода (перинатальный период включает весь срок беременности и первую неделю после родов). Эти действия расцениваются радфемками как реализация женщиной ее «репродуктивных прав».

Радикальные маскулисты (сексисты)

Некоторые исследователи отмечают все более отчетливые проявления нетерпимости в западноевропейском дискурсе к такому естественному и знаковому для сильной половины человечества феномену, как мужественность. Если раньше мужественность была эталоном воспитания, то

сегодня она должна реагировать на делегитимацию самой себя, постоянно испытывая нападки, культивируя человечество без мужественности, общество среднего пола. Так, в Великобритании в 2022 году при заполнении официальных документов необходимо выбрать гендерную принадлежность из 78 вариантов.

С одной стороны, жесткие рамки мужской гендерной роли в российских реалиях настолько четко определены, что требуют от мужчины на протяжении чуть ли не всей жизни постоянного подтверждения мужественности, которая основана на проявлении власти, доминировании и отрицании женственности. С другой стороны, компьютеризация, в частности геймерство, сильно ударившая по мужественности, широко распространенная именно в мужской среде, сформировала потребность ощущать себя победителем и героем в цифровой реальности [Зимбардо, 2017]. Неким ответом одновременно на западно-европейскую политкорректность и российский социокультурный запрос и вызовы времени стала невероятная активизация радикальных маскулистов (сексистов) в российской цифровой среде. Так, численность групп в социальной сети «ВКонтакте» в десятки раз превышает количество подписчиков радикальных феминисток. Можно назвать десятки сообществ, деятельность которых включает широкий диапазон негативных проявлений: от троллинга до пропаганды национал-патриархата, травли и угроз в отношении женщин (наиболее массовые и популярные – 1337 const (157 000 подписчиков); Alfa (63 000 подписчиков); «Тыжемужик» (62 000 подписчиков); «Мужское Движение» (37 000 подписчиков) и др.).

Некоторые такие сообщества (например, «Мужское государство») признаны экстремистскими и запрещены в России, но это не мешает им продолжать деятельность в новых группах – с новыми названиями. Архетипически создатели данных групп апеллируют к образу «русского мужика», который соотносится с нормой современной мужественности для российского мужчины, – таким образом, создается современный «цифровой мужик-тролль».

Исследования психологического портрета «тролля» показали, что подобное деструктивное поведение не зависит от возраста и гендерной принадлежности, но чаще интернет-агрессия исходит именно от мужчин молодого возраста. Кроме того, доказана связь антисоциального поведения с чертами личности, входящими в «тем-

ную триаду»: нарциссизмом (страстная фиксация на себе), макиавеллизмом (получение удовольствия от манипулирования чьим-либо поведением) и психопатией (отсутствие эмпатии). Однако самым значимым предиктором проявления троллинга является садизм. Как и садисты, тролли беспощадны, эмоционально жестоки и получают удовольствие, причиняя боль другим людям, заставляя их испытывать дискомфорт [March, 2019].

Можно выделить единственный субдискурс радикальных маскулистов – семейно-правовой. Не приемля для себя гражданские формы отношений, такие как официальный брак, маскулисты, в отличие от радикальных феминисток, хотя и остаются в отношениях с женщинами, сохраняя абьюзивную власть над ними. Главными темами борьбы на этом информационном поле стали следующие:

– *Финансовая тирания женщин.*

– *Насилие в семье.* Один из авторов группы «Национал Патриархат» пишет: «*Легкий лец Хитрине* («Хитриня» – женщина, помогающая супругу лишь ради собственной выгоды. – примеч. автора), *а можно пендель, эффективнее и полезнее 10 000 часов переговоров*» [Попова, 2019].

– *Сексуальная распущенность женщин.* Один из идеологов радикального маскулизма в России Олег Новоселов так характеризует разведенную женщину с ребенком, называемую в сообществах маскулистов «РСП» («разведенка с прицепом»): «*Раз ее семья разрушена, то либо она ее разрушила сама, лишив детей отца по собственной неадекватности и безответственности, либо создала ее с неадекватным мужчиной. А значит она западает на неадекватов, то есть вы – не из тех мужчин, которых она любит. А значит будет изменять. В любом случае – дефектная неадекватная самка*» [Новоселов, 2020].

– *Семейная гегемония.* В сообществе «Подслушано патриархат» социальной сети «ВКонтакте» пользователь Саня Поехавший пишет: «*Настоящему мужику дети не нужны. Дети нужны баборабам и аленям* («Алень» – плохой, неправильный мужчина, подкаблучник. Возможно, обладатель развесистых рогов. Думает не о мужском братстве и борьбе за мужские права со злыми бабами, а о чувствах и желаниях своей женщины. Позорит гордое звание мужчины. Способен опуститься до жертвенности и рыцарственности. Из-за своих постыдных слабостей готов на все, даже на брак с многодетной разве-

денной женщиной. Позволяет женщине паразитировать на себе и своих ресурсах. Объект насмешек и сожалений. – прим. автора [Атискова, 2022]). *Если мужчина захочет ребенка, то сделает это через искусственную матку, которая, уверен, скоро будет доступна всем*.

В контексте всего сказанного выше интересен нередко употребляемый в радфемовском и маскулинных дискурсах термин «чайлдхейт» (от англ. childhate – «ненавидящие детей»). Важно разделять понятия «чайлдфри» (от англ. childfree – «свободный от детей») и «чайлдхэйт». Чайлдфри – это люди, добровольно отказывающиеся от деторождения в силу социальных или медицинских причин; в большинстве своем последователи чайлдфри в медиапространстве не разделяют взглядов чайлдхэйтеров.

В когнитивной научной парадигме метафоры, используемые в исследуемых сообществах, представляют языковую информацию о картине мира ее пользователей. Зооморфные метафоры в чайлдхейтерском субдискурсе («личинка», «личинус») призваны вызвать отторжение и неприязнь к понятию (концепту?) «ребенок» через соотношение с личинкой насекомого.

Пользователь Юля (36 лет, Москва) пишет: *«Дети – гадость, у меня был ребенок, знаю, что это такое. Я родила дочь в 20 лет и быстренько отдала ее знакомым. Лет пять назад я начала общаться с дочерью по ее инициативе. Сейчас ей 16 лет, и мне даже интересно иногда поговорить с этой личинкой. ... Я сделала много абортов, стерилизация, конечно, была бы выгоднее, но в итоге не срослось. Сейчас операция уже не имеет смысла – я старая»* [«Ребенок не принесет мне радость», 2017].

Радикальный маскулист с ироничным ником «Наивный Олень» так характеризует свое отношение к детям (пунктуация и орфография автора сохраняются): *«Как же я ненавижу гребаных молчунов, сейчас поведаю о чем это я. Еду значит в автобусе..., ко мне подходит мамаша со своим личинусом лет таки 6-8. “Молодой человек уберите рюкзак, что бы мой сыненькин сел” – молвила мамка. Ну, ок. Убрал. Потом этот личинус говорит: “Мама я хочу у окошка сесть”. Мамаша ему в ответ: “Пусть тогда мальчик тебе уступит”. Личинус смотрит на меня, я игнорю...»*

Заключение

Анализ ценностей исследуемых сообществ показывает, что они завоевывают доверие моло-

дого поколения, их основного «электората», предлагая освободиться от ряда обязательств, накладываемых обществом, «перекроить» в свою пользу соотношение разрешений и запретов. Истинная цель таких борцов с тиранией противоположного пола – установить собственный агрессивный контроль. В то же время разрушение укорененных стереотипов гендерного поведения чревато потерей этнокультурной самоидентификации человека и разбалансировкой его психосоциальных констант, что в итоге создает скрытую угрозу для национальной безопасности страны. Проводя работу в парадигме лингвистической безопасности для сохранения и воспроизводства «классических» социально значимых институтов («семья») и форм поведения («половые роли»), обеспечивающих их (данных институтов) существование, важно обучать «грамматике пола» в цифровой среде.

Библиографический список

1. Атискова З. «Бабораб», «спермоприемник» и «отродье»: словарь мужских пабликов о женщинах // Cosmo. 2022. URL: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/baborab-spermopriemnik-i-otrode-slovar-muzhskih-pablikov-o-zhenshchinah/> (дата обращения: 01.05.2022).
2. Балакришнан Г. Роль насилия в истории // Прогнозис. 2008. № 1 (13). С. 92–123.
3. Бродовская Е. В. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1 С. 228–251.
4. Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. 576 с.
5. Ермолова А. К. Медиаотражение темы феминизма в отечественных общественно-политических интернет-СМИ / А. К. Ермолова, Ю. А. Клец // Медиасреда. 2020. № 17. С. 135–140.
6. Жирнова Э. Н. Феминизм как часть медиакультуры // Медиа. Информация. Коммуникация. 2018. № 27. С. 9–16.
7. Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности / Ф. Зимбардо, Н. Коломбе. Москва : Альпина Паблишер, 2017. 344 с.
8. Змазнева О. А. Коммуникативное пространство соцсетей начала XXI в.: файлы образов и потоки сознания // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3(27). С. 16–22.
9. Карасик В. И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. Санкт-Петербург : Экополис и культура, 1993. С. 30–38.

10. Клушина Н. И. Введение в интернет-стилистику / Н. И. Клушина, А. В. Николаева. Москва : Флинта, 2020. 240 с.
11. Клушина Н. И. Медиастилистика. Москва : Флинта, 2021. 184 с.
12. Новоселов О. Разведенка с прицепом, мать одиночка. Не связывайтесь с ними, крупные проблемы гарантированы // Олег Новоселов. Прикладная этология человека. 2019. URL: https://humans-ethology.com/forum/?PAGE_NAME=read&FID=18&TID=100&TITLE_SEO=100-razvedenka-s-pritsepom_-mat-odinochka.-ne-svyazyvaytes-s-nimi (дата обращения: 10.04.2022).
13. Попова Е. Путь к Берегине: современный патриархат глазами мужчин // Cosmo. 2019. URL: https://www.cosmo.ru/sex-love/mens_mind/put-k-beregine-sovremennuu-patriarhat-glazami-muzhchin/ (дата обращения: 10.04.2022).
14. Порошенко О. Ю. Ускользящая женственность, или Eat your make-up: критика радикального феминизма / О. Ю. Порошенко, Т. А. Харисова // Глобализация и национальная самобытность. Форум языков. Казань, 2014. URL: <http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm> (дата обращения: 10.04.2022).
15. «Ребенок не принесет мне радости – только проблемы». Чайлдфри о своем выборе / Редакция // Сноб. 2017. URL: <https://snob.ru/entry/121209/> (дата обращения: 01.05.2022).
16. Слышкин Г. Г. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений / Г. Г. Слышкин, Л. Е. Малыгина, Е. С. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 64–69.
17. Тамбиянц Ю. Г., Шалин В. В., Олифир И. А. Третья волна феминизма: источники, практические перспективы // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 42–49.
18. Шабурова О. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О мужественности. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. С. 532–555.
19. Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). P. 359–383.
20. Dijk T. A. van Discourse, ideology and context. // Folia Linguistica, 2001. № 35 (1-2). P. 11–40.
21. March E. Psychopathy, Sadism, Empathy, and the Motivation to Cause Harm: New Evidence Confirms Malevolent Nature of the Internet Troll // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 141. P. 133–137.
2. Balakrishnan G. Rol' nasilija v istorii = The role of violence in history // Prognosis. 2008. № 1 (13). S. 92–123.
3. Brodovskaja E. V. Vlijanie cifrovyh kommunikacij na formirovanie professional'noj kul'tury rossijskoj molodezhi: rezul'taty kompleksnogo prikladnogo issledovanija = The influence of digital communications on Russian youth's professional culture: results of a comprehensive applied research // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2019. № 1 S. 228–251.
4. Vul'f N. Mif o krasote. Stereotipy protiv zhenshin = A myth about beauty. Stereotypes about women. Moskva : Al'pina non-fikshn, 2020. 576 s.
5. Ermolova A. K. Mediaotrazhenie temy feminizma v otechestvennyh obshhestvenno-politicheskikh internet-SMI = Media reflection of feminism in Russian public political online media / A. K. Ermolova, Ju. A. Klec // Mediasreda. 2020. № 17. S. 135–140.
6. Zhirnova Je. N. Feminizm kak chast' mediakul'tury = Feminism as part of media culture // Media. Informacija. Kommunikacija. 2018. № 27. S. 9–16.
7. Zimbardo F. Muzhchina v otryve: igry, porno i poterja identichnosti = Man on the loose: gaming, porn, and loss of identity/ F. Zimbardo, N. Kolombe. Moskva : Al'pina Pabliher, 2017. 344 s.
8. Zmazneva O. A. Kommunikativnoe prostranstvo socsetej nachala XXI v.: fajly obrazov i potoki soznani-ja = Communicative space of social networks in the early XXI century: image files and streams of consciousness // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2018. № 3(27). S. 16–22.
9. Karasik V. I. Psevdoargumentacija: nekotorye vidy rechevyh manipulacij = Pseudo-argumentation: certain types of speech manipulation // Rechevoe obshhenie i argumentacija. Sankt-Peterburg : Jekopolis i kul'tura, 1993. С. 30–38.
10. Klushina N. I. Vvedenie v internet-stilistiku = Introduction to the internet stylistics / N. I. Klushina, A. V. Nikolaeva. Moskva : Flinta, 2020. 240 s.
11. Klushina N. I. Mediastilistika = Mediastylistics. Moskva : Flinta, 2021. 184 s.
12. Новоселов О. Разведенка с прицепом, мать одиночка. Не связывайтесь с ними, крупные проблемы гарантированы = A divorcee with a child, a single mother. Don't mess with them, big problems are guaranteed // Oleg Novoselov. Prikladnaja jetologija cheloveka. 2019. URL: https://humans-ethology.com/forum/?PAGE_NAME=read&FID=18&TID=100&TITLE_SEO=100-razvedenka-s-pritsepom_-mat-odinochka.-ne-svyazyvaytes-s-nimi (дата обращения: 10.04.2022).
13. Popova E. Put' k Beregine: sovremennyy patriarhat glazami muzhchin = The way to Bereginia: modern patriarchy through men's eyes// Cosmo. 2019. URL: https://www.cosmo.ru/sex-love/mens_mind/put-k-

Reference list

1. Atiskova Z. «Baborab», «spermopriemnik» i «otrod'e»: slovar' muzhskih publikov o zhenshinah = «Baborab», «spermopriemnik» and «otrodie»: vocabulary from men's public pages about women // Cosmo. 2022. URL: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/baborab-spermopriemnik-i-otrode-slovar-muzhskih-publikov-o-zhenshinah/> (дата обращения: 01.05.2022).

beregine-sovremenny-patriarhat-glazami-muzhchin/
(data obrashhenija: 10.04.2022).

14. Poroshenko O. Ju. Uskol'zajushhaja zhenstvennost', ili Eat your make-up: kritika radikal'nogo feminizma = Slipping away femininity, or Eat your make-up: criticism of radical feminism / O. Ju. Poroshenko, T. A. Harisova // Globalizacija i nacional'naja samobytnost'. Forum jazykov. Kazan', 2014. URL: <http://globkazan.narod.ru/2004/a15.htm> (data obrashhenija: 10.04.2022).

15. «Rebenok ne prineset mne radosti – tol'ko problemy». Chajldfri o svoem vybore = «A baby won't bring me joy, only trouble». A childfree about her choice / Redakcija // Snob. 2017. URL: <https://snob.ru/entry/121209/> (data obrashhenija: 01.05.2022).

16. Slyshkin G. G. Lingvobezопасnost' v aspekte cennostnyh, ideologicheskikh i social'nyh izmenenij = Linguistic security in the aspect of value, ideological and social change / G. G. Slyshkin, L. E. Malygina, E. S. Pav-

lova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 1 (28). S. 64–69.

17. Tambijanc Ju. G., Shalin V. V., Olifir I. A. Tret'ja volna feminizma: istochniki, prakticheskie perspektivy = The third wave of feminism: sources, practical prospects // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2021. № 12. S. 42–49.

18. Shaburova O. Muzhik ne suetitsja, ili Pivo s harakterom = A man doesn't make a fuss, or a beer with character // O muzhestvennosti. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. S. 532–555.

19. Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). P. 359–383.

20. Dijk T. A. van Discourse, ideology and context. // Folia Linguistica, 2001. № 35 (1-2). R. 11–40.

21. March E. Psychopathy, Sadism, Empathy, and the Motivation to Cause Harm: New Evidence Confirms Malevolent Nature of the Internet Troll // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 141. P. 133–137.

Статья поступила в редакцию 23.02.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted on 23.02.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.01.2022